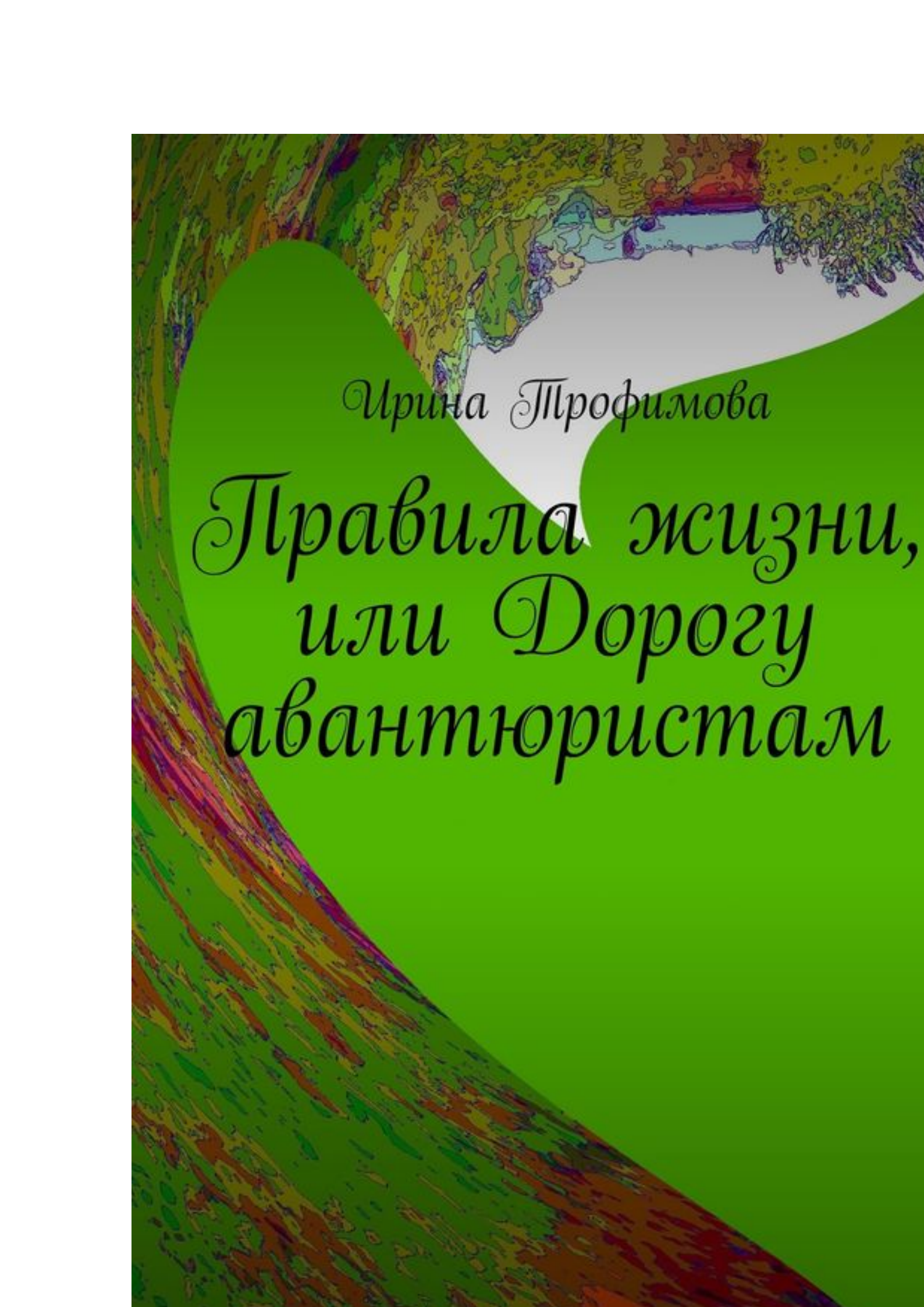

Урина Трофимова

Правила жизни,
или Дорогу
авантюристам

Ирина Викторовна Трофимова
Правила жизни, или Дорогу авантюристам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829182

ISBN 978-5-4474-1847-2

Аннотация

Главная героиня – женщина, которой не чуждо ничто человеческое. Покинув родной дом в поисках счастья, она учится жить и принимать самостоятельные решения. Этот путь она проходит вместе со своим мужем. Им выпадает множество испытаний от потерь на валютной бирже до отчаянных попыток поймать птицу удачи в игре в покер. Однако, вся съеденная вместе «соль бытия» лишь сплотила их семью и укрепила чувство любви.

Содержание

Знакомство	5
Начало	8
Свадьба и переезд	9
Общежитие	11
Армия	13
Один год – 365 дней – 8760 часов	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Правила жизни, или Дорогу авантюристам

Ирина Викторовна Трофимова

*Данное произведение является художественным вымыслом
автора.*

*Все совпадения с реальными людьми, организациями, событиями
случайны.*

© Ирина Викторовна Трофимова, 2015

© Ирина Викторовна Трофимова, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

– А сейчас вы узнаете, кто же стал победителем нашего конкурса «Открытие года». Итак, на сцену приглашается... Светлова Вера! – Ведущий торжественно и многозначительно посмотрел в зал. Воцарилась тишина. И вдруг – шквал аплодисментов.

Вера сидела в пятом ряду, смотрела на все происходящее отсутствующим взглядом. Она не совсем понимала, зачем ее сюда позвали, кто все эти по-импортному улыбающиеся люди. Поняв, что ждут именно ее, вышла на сцену. Произнесла несколько ничего не значащих слов. Ей хотелось поскорее уйти, смыть с себя эту атмосферу наигранной помпезности, излишней учтивости и фальшивой доброжелательности. Конечно, Вера ждала этот день как никакой другой, шла к этому моменту не один год, а может и всю жизнь...

Вернулась она к реальности уже дома. Все промелькнуло как один миг. Конверт с солидной суммой, статуэтка в виде книги с карандашом, шампанское, фуршет, ночной город через окно такси...

Антон с детьми были на даче. Июль, жара – чего делать им в городе. Вера села, поджав ноги, на диван. Закрыла глаза. Спать не хотелось, хотя какая-то тяжесть в ногах заставляла сидеть неподвижно. В голове мелькали события последних лет.

Знакомство

Она вспомнила, как она познакомилась с Антоном. Шел 1996 год. Сотовых телефонов еще ни у кого не было, одноклассников и прочих соцсетей тоже. Интернет в Россию еще не пробрался. Даже вездесущая служба mail.ru появилась только в 1998 году. Тинейджерам из 21 века и представить сложно, как тогда жили. А жили замечательно. Общались по домашнему телефону (который не у всех и был), перекидывались записочками на лекциях, перемигивались, улыбались живыми улыбками. И обходились без замерших нарисованных смайликов.

Будь собой – тогда судьба не пройдет мимо

А тогда была весна, суббота. Но занятия в энергоинституте, где Вера училась, проводились и по выходным. Третьекурсница Светлова зашла перед парой в институтскую библиотеку за литературой для реферата по экономике. Студенты толпились около стойки выдачи литературы. Она встала в очередь со стопкой книг, которую она прочитала и собиралась обменять на такую же – примерно в половину ее роста. Настроение было хорошее. Она знала, что сейчас возьмет свою кипу, запишет в сумку и пойдет на пару.

Вдруг в библиотеку зашел высокий симпатичный парень и приблизился к своему знакомому (как оказалось, однокурснику), который стоял прямо за Верой. Спросил что-то, с озабоченным видом тыча в методичку, испещренную мелким шрифтом с какими-то формулами. Знакомый сзади с умным видом ответил довольно уверенно, сказал что чего-то там «не меряно». Вошедший красавчик с довольным видом покинул головой и ушел. Надо сказать, слово «не меряно» Вера узнала совсем недавно, услышав его из уст крутого красавца, и оно было для нее символом чего-то недостижимого, супермодного и экстравагантного. Как Гуччи или Карден – символ стиля и роскоши, как лексус – символ богатства и авторитетности, так и «не меряно» было в голове Веры непременным атрибутом лексикона настоящего мужчины.

И вдруг этот самый сосед по очереди сзади сказал:

– И как ты это понесешь?

Вера даже и думать не могла, что этот суперсовременный парень обратит внимание на нее, стоящую в сереньком платье, не окрашенную, с кипой книжек.

– Так в сумке, – немного смутившись, ответила она.

– А донесешь?

– Конечно, тут не так и много.

Подходила Верина очередь. Она достала свой читательский билет, развернув его заранее. Сосед по очереди не унимался:

– Прикольная фоточка.

Вера смущенно пожала плечами. Она вспомнила, как сегодня добиралась до института. Ездила она всегда с пересадкой. Вначале она увидела подходящий к ее остановке автобус, и пришлось пробежаться, чтобы успеть в него запрыгнуть. Народу было битком. Доехав до площади Победы, она вышла вся взмокая. Затем подъехал троллейбус, и она уже доехала сидя. Выйдя из троллейбуса, она поняла, что не успеет заскочить до пары в библиотеку, и шла очень быстро. Забежав в здание, стянула шапку, сдала ее вместе с пальто в гардероб, и напрямик на второй этаж. Даже в зеркало забыла посмотреть. После пробежек Вера становилась чересчур румяной, и она об этом знала. А о прическе и говорить нечего – челка в разные стороны, волосы примяты. И к тому же была она, мягко сказать, пышкой, плюс невысокого роста. Эдакий колобочек.

Но изнутри ее аж распирало. В кои-то веки на нее обратили внимание, да еще комплименты делают. А знакомый продолжал:

– Погода сегодня хорошая. В парке сейчас, наверное, хорошо...

Наблюдавшая за диалогом библиотекаря устала от этой чепухи и сурово выдала:

– Хватит уже балаболить чушь всякую. Где билет?

Вера подала билет. Оформила книги, запихала в сумку.

Потом подошла очередь ее новоявленного кавалера. Юная читательница не знала, что и делать. Она как бы замялась у двери, потом стала рыться в сумке, якобы нужно было срочно что-то найти. Знакомый «отоварился» и, не заметив ее метания, отошел в другую сторону к столу. И как будто даже забыл про только что состоявшийся разговор.

Опыт общения с мужчинами у Веры был довольно скудный, была она девушка скромная. Но и уйти не могла. Как так? Только что так мило говорили, она ему вроде понравилась, и вот – ее для него будто бы уже и не существует. Тут в Веру как будто бес вселился. Она смело подошла к знакомому и выдала, сама поразившись своей смелости и дерзости:

– Ну что, пойдем в парке-то гулять?

А сама в это время, как ей показалось, стала пурпурно-красная с ног до ушей. И жаром обдало, как будто в кипятке макнули.

Парень взглянул на нее немного удивленно, немного ошарашенно, и сказал сдавленным голосом:

– Пойдем, конечно.

– Сейчас телефон тогда дам.

И Вера стала копаться в сумочке. Портить тетрадки ей было жалко. Она нашла какой-то блокнот, оторвала от листочка уголок и нацарапала свой домашний телефон, подписав «Вера». Так они и познакомились. Знакомого звали Антон.

Антон позвонил вечером. Договорились о встрече на следующий день, в три часа на площади Победы. Родителям Вера соврала, что пойдет в библиотеку, а потом, может с подружкой прогуляется (это она на всякий случай сказала, вдруг задержится. Как-то не хотела длинных разговоров, объяснений и прочих проблем).

Надев свой любимый плащ и беретик, Вера летела к площади Победы как на крыльях. Антона она увидела издалека. Притормозила. Нельзя же показывать, как она рада, что хоть кто-то пригласил ее на свидание. Антон подарил розочку. И они пошли гулять по городу. Разговор лился сам собой. У них оказалось много общего, даже друзья общие нашлись. Незаметно подкрался вечер. Пришла пора возвращаться домой «из библиотеки». Пять часов в библиотеке – это уж слишком.

Антон проводил Веру до дома. Около подъезда она вдруг как будто что-то вспомнила.

– Пойдем, надо подальше от фонарей отойти.

Антон был шокирован. Вот уж вправду говорят – в тихом омуте черти водятся. Только познакомились, а она его уже в кусты тащит. Но пошел.

– Закрой глаза, сюрприз будет, – таинственно произнесла Веруня.

Она подошла к Антону сзади, положила руки ему на голову, немного ее наклонила. Он подумал, что сзади целовать как-то неудобно, чего она там придумала...

– Открывай!

Открыв глаза, он ничего не увидел. Ну, звезды. Ну, небо ясное.

– А в чем сюрприз-то? – разочарованно произнес Антон.

– Видишь, там облачность, такой хвостик мутный. А впереди звездочка. Это комета. Хейла-Боппа. Мы, может быть, ее больше никогда и не увидим за всю жизнь, она редко прилетает. Представляешь?

– Ну если хейла боппа, то, конечно, дело серьезное...

Антон проникся до глубины души ее наивностью и какой-то детской непринужденностью. Он даже захотел обнять Веру, прижать к себе, но вдруг окрестности стали озаряться какими-то вспышками света. Он особо на это не обратил внимания – подумал, может, скорая мимо едет, мигает (хотя обычно еще и сирену слышно...)

А вот Вера не на шутку разнервничалась.

– Домой надо, – сказала она. – Это меня родители уже ищут, думают, я где-то тут с подругой гуляю.

– А где родители-то? – не понял Антон.

– Да папа меня всегда вспышкой домой зовет. От фотоаппарата. Он фотографии сам делает, вспышка у него хорошая. И когда я задерживаюсь, в форточку мне мигает. А то кричать слишком утомительно, да и могу не услышать, а тут видно далеко...

«Дам-с, влип» – подумал про себя Антон. Но ничего не сказал.

Он чмокнул ее в щеку, и они расстались, договорившись созвониться.

Начало

Антон позвонил на следующий день. Мило побеседовали, договорившись увидеться в понедельник в институте.

С этого момента у Веры началась совсем другая жизнь. Если раньше ее мысли были только об учебе, то теперь появился Он. Она даже сама не заметила, как перескочила в какое-то новое измерение, где можно говорить о своих чувствах, переживаниях, не опасаясь, что тебя предадут или начнут читать нравоучения.

Антон встречал ее после занятий в институте, провожал домой. В выходные они гуляли по улицам города. Оказалось, что у него много друзей. Вера постоянно ходила с ним на какие-то дни рождения, домашние посиделки.

Так, день за днем, месяц за месяцем и прошли два года. Антон с Верой продолжали встречаться. Хотя бывали и ссоры, и обиды. Но все всегда заканчивалось миром. Обижалась чаще всего она, и в основном на шуточки в ее адрес. У Антона была такая натура – он любил пошутить. А у Веры шутки не особо удавались. Анекдоты она рассказывала примерно так: «Жил-был дракончик. И решил он съесть....Ой, нет, это потом. Вначале он шел по лесу... Хотя какие в лесу драконы... Ну, в общем, шел по лесу и встретил ежика. Ой, забыла, он шел и плакал. Ну вот, ежик его и спрашивает – чего плачешь. А дракончик говорит, что, мол, скушал маму. Ой, нет, не так. Ежик спрашивает – где твоя мама. А дракончик и отвечает, что скушал. Ну потом так же про папу. Оказывается, скушал и отца. И в конце ежик говорит, что кто же он после этого. А дракончик отвечает – сиротоотка». Тут вроде как полагалось смеяться над анекдотом. Но почему-то не хотелось.

Сходятся всегда противоположности. Тот, кто любит много говорить, сходится с тем, кто любит послушать, близорукий – с дальнорезким, оптимист – с реалистом, коммерсант – с философом. И если в паре один любит пошутить, то другой должен эти шутики терпеливо слушать. И слушать Вера умела, и не только слушать. Она умела слышать. Всегда была готова услышать что-то между слов, в интонации, в настроении. Ну а Антон был любитель пофилософствовать и подтрунить над кем-либо.

Свадьба и переезд

В середине пятого курса сыграли свадьбу. 28 февраля. А до этого, с 1 по 26 февраля у Веры была преддипломная практика в налоговой инспекции. Привели ее в отдел, где работали четыре женщины и один мужчина. Мужчина сразу оживился, предложил с порога чаю. За чаем разговорились. Все узнали, что к ним пришла сама судьба. Как оказалось, в налоговой сотрудники проходили какое-то обучение. И всем приходилось решать задачки по статистике. Мимоходом Веру расспросили про предметы, которые она изучала, уточнив и про статистику. Получив утвердительный ответ, ей тут же налили еще чашечку чая и положили самый вкусный кусочек пирога. Вера почувствовала что-то неладное, но не подала виду. Еще ее расспросили про бухучет. Хотя по нему у нее была пятерка (Вера вообще шла на красный диплом, но об этом интуиция ей подсказала пока промолчать), она сообщила, что с бухучетом не особо дружит. Но ей все-таки дали конфетку – так, на всякий случай.

Оказалось, интуиция была права. Веру завалили задачками по статистике, подкинув и немного по бухучету. Она не могла отказаться, все-таки преддипломная практика!

Однажды в отдел пришел молодой парень. Одна из сотрудниц подвела его к Вере и представила. Оказалось, что это Миша, он тут работает, всего на год старше Веры, и учился там же, где и она. Потом многозначительно добавили – не женат.

Миша сел с Верой рядом и стал расспрашивать детали ее будущего диплома. Вера что-то с умным видом рассказывала, поглядывая на сотрудников отдела. Все с интересом следили за их беседой.

Когда Миша ушел, Павел Степанович (так звали того мужчину, который чаем поил) подмигнул Вере и сказал: «Хороший парень, не упusti!»

Вера покраснела, но не нашлась, что ответить. Как-то не хотелось раскрывать все свои секреты. Тем более, сегодня вечером они с мамой собирались идти покупать свадебное платье.

Так за задачками и Мишиным кураторством пролетела практика. А когда 2 марта Вера пришла за какой-то бумажкой для института для отметки, ей на лестнице встретился этот Миша. Он сказал: «Поздравляю!» И, похоже, говорил он это искренне.

А когда Вера зашла в свой отдел, там ей подарили коробку конфет и тоже от души поздравили. Больше всех веселился Павел Степанович:

– Ну и Вера! Ну и хитрюга! До последнего молчала! Мы ж тебя за Мишу сосватали, ты уж прости.

Вера смущенно кивнула, улыбнулась и спросила:

– А как вы о свадьбе-то узнали?

– Так твой жених учился в институте с другом дочки одной нашей сотрудницы. И Антон попросил его ваших гостей со свадьбы развезти. Вот и все! Иваново – большая деревня, не забывай! На одном конце города чихнешь, на другом – здоровья пожелают!

Свадьба прошла весело. Брачная ночь с зимы на весну. Хотя и тут Антон умудрился пошутить. Он заболел. Сидел за столом с температурой 39, глотал таблетки. Вера не знала, чем ему помочь. Ей хотелось веселиться, но чувство сопереживания пересиливало все порывы. Она забыла про все ритуалы, сидела рядом, что-то жевала. Потом пошла потанцевать, Антона звать не решилась.

И тут ее унесли в прямом смысле. То есть похитили. Один из гостей схватил ее и утащил в какую-то кладовку. А потом послали к Антону делегацию, чтобы уже спохватился что ли. Вера пыталась повозмущаться, говорила, что он болен, что жениха не надо трогать, но ее никто не слушал. Гости были в ударе. Его попытались заставить идти искать невесту. Но он выдал: «Если я встану, то упаду, придется вам меня спасать, и по-настоящему».

И вообще, садитесь давайте, сейчас горячее принесут». Антон не любил всей этой самодеятельности. Он считал, что ритуалы – блажь. Главное – суть процесса. Была б его воля, он бы и свадьбы никакой не делал, но понимал, что ни родители, ни невеста так просто не сдадутся. Поэтому организовал все как надо. В общем, пришлось невесте самой выкарабкиваться из кладовки. Танец жениха и невесты Антон все-таки вынес, станцевал. Торт был вкусный, Вера ела с удовольствием. А Антона от одного его вида мутило.

А потом их увезли домой, первыми. И когда, наконец, они добрались до квартиры, у Антона было только одно желание – лечь на кровать и выспаться. Вера ему не стала мешать. Конечно, она мечтала, что он перенесет ее на руках через порог, как и положено. Потом поможет раздеться. Потом душ, музыка, бокал шампанского... Но она и так была безмерно счастлива – они теперь будут ложиться и просыпаться рядом, и это навсегда... А температура – это временно, это пройдет. Так бывает.

Муж сказал в Череповец – значит, в Череповец!

После свадьбы была защита диплома. Найти работу в городе выпускнику ВУЗа в то время было сложновато. Ивановские фабрики закрывались. Заводы не работали. И решено было уехать в Череповец. Тем более Антону прислали гарантийное письмо с металлургического завода. Предлагали хороший оклад (предел мечтаний для Иванова), общежитие. Родители Веры были против. Долго уговаривали отказаться от этой идеи. Но Антон был непоколебим. Едва получив на руки дипломы (Вера – красный, Антон – синий), молодожены уехали покорять новые вершины в металлургическом краю. К тому же Антону дали возможность устроиться на работу, военкомат в этот год решил его не трогать.

Общежитие

Череповец встретил молодых металлическим запахом, смогом, изморосью. Но настроение было боевое. Сразу с вокзала поехали в отдел кадров. С собой было немного денег (со свадьбы да родители дали), плюс четыре сумки с одеждой, посудой. Ну а самое главное – в душе была вера, в сердце жили надежда и любовь.

Антон посадил Веру на стул около двери кабинета, велел ждать. Спустя десять минут вышел довольный. Его послали на собеседование.

Вера осталась сидеть на том же стуле. Рядом стояли четыре сумки. Почему-то они не решились воспользоваться камерой хранения, да и деньги тратить не хотелось.

Прошел час, второй, третий. Антон не появлялся. Откуда-то запахло супом, котлетами. Сотрудники отдела кадров пошли на обед. Последний раз Вера перекусила с утра в поезде – выпила чаю с бутербродом. Кушать хотелось невероятно. Но она не знала, куда были спрятаны деньги, а никакой мелочи с собой не было. Она не решалась тут посреди коридора потрошить эти баулы, чтобы найти припрятанные богатства. Глотая слюнки, сидела дальше. Она подумала, что это все к лучшему. Даже если бы и нашелся кошелек, то как бы она пошла в столовую с этими тяжеленными сумками. Вера вообще не могла никуда отойти, она должна была сторожить эти сумки, а утащить их с собой ей было не под силу.

Люди ходили мимо, посматривая на сидевшую как воробышек девчущку, и не понимали, что она тут забыла.

Антон появился через пять часов. Собеседование прошло успешно. Но Вере было не до подробностей, она вне себя от счастья побежала в женскую комнату. Одному Богу известно, чего ей стоило просидеть тут пять часов после дороги в поезде, к тому же с ночной пересадкой.

Теперь надо было устраиваться в общежитие. К заведующей они пришли уже к концу рабочего дня. Надежда Ивановна уже собиралась домой. Когда Антон зашел в кабинет, она даже разговаривать не хотела – сказала – все завтра! Он не любил унижаться, не любил просить и упрашивать. Просто сказал – я с женой. Надежда Ивановна вышла в коридор, взглянула на сидевшую на стульчике измученную девушку и пошла искать ключи. Под нос она бурчала что-то про то, что сначала надо одному приезжать, это же невиданное дело – сразу с собой жену тащить.

Трудности закаляют, если ты на правильном пути

Вера чувствовала себя абсолютно опустошенной. Но домой, обратно, ей не хотелось. Она представляла себе глаза мамы, полные укора и жалости. Нет, теперь только вперед. Назад дороги нет. Как бы трудно ни было.

Их привели в комнату. Надежда Ивановна сообщила, что без детей полагаются комнаты метражом поменьше, но сейчас свободны только большие. Поэтому им крупно повезло. Когда Вера увидела комнату, в которой из мебели был только встроенный, сколоченный из досок, шкаф, она тоненьким голоском, полным отчаяния и грусти, спросила:

– А на чем нам спать?

Надежда Ивановна, взглянув на нее, возвела глаза к небу и предложила Антону обратиться в соседнее общежитие, там были свободные кровати. И добавила:

– Если приезжаете с семьей, то вся мебель у вас должна быть своя, мы не обязаны вам предоставлять комнату с обстановкой.

Вечером у них уже были кровать, столик от соседа и табуретка. Антон сходил, купил пельменей, и они с удовольствием поужинали. Вере казалось, что она никогда не ела ничего вкуснее этих череповецких пельменей с кетчупом.

Потом легли спать – вдвоем на односпальной кровати. Сон выдернул их из реальности в один миг.

С утра Антон ушел дальше оформляться на работу, а Вере надо было кое-что купить, приготовить обед, убратся в комнате. Этим она и занялась.

Соседи были люди очень милые, хоть и с богатым жизненным опытом. Надо сказать, что комната, куда поселили Антона и Веру, располагалась в секции, где помимо них проживали еще семь семей. По кругу. А по центру был санитарный блок. Все в этой секции курили, ругались матом, были не прочь выпить. Работали где-то на заводе, на простых рабочих должностях. Дети были у всех – от трех до пяти лет. Две соседки были матерями-одиночками. Оттого они очень пессимистично смотрели на жизнь, постоянно одергивали своих чад. За словом в карман не лезли, что думали – то и говорили.

***Удача в делах и гармония в душе – верные признаки
выбора правильного пути***

Но в чем нельзя было их упрекнуть, так это в тяге к наведению порядка. Как только Вера затеяла уборку, ей сразу же предложили взять хорошее ведро, тряпку, швабру. Надавали множество советов. И оказалось, что подошла очередь новеньким дежурить по секции. То есть мыть полы в коридоре, на кухне, санблоке, а также чистить плиты, умывальники, туалеты. Делать нечего – вахту Вера приняла безропотно.

Так и пошли день за днем. Антон устроился в цех электриком. Вера тоже нашла работу по специальности – экономистом, тоже на заводе. Пришел август 1998 года. В один из дней все перевернулось с ног на голову. Доллар скакнул, продукты исчезли, а через день появились по цене в пять раз выше.

Зарплату стали задерживать, а потом приняли решение выдавать по сто рублей в неделю. Этого едва хватало на еду. Вера с Антоном покупали на рынке самые дешевые куриные окорочка и варили из них лапшу. На завтрак ели бульон с хлебом, чтобы посытнее, обедали на работе бутербродами из дома с чаем, а вечером доставали из супа окорочок, разделявали его и ели с гарниром: гречкой или макаронами. Так и продержались три месяца. А там и кризис отступил. Завод погасил все долги по зарплате, жизнь стала налаживаться.

Армия

Весной Антону вручили повестку в армию. Вера не хотела в это верить. Ей казалось, что это какая-то шутка. Как она будет тут жить одна целый год в общежитии с совершенно чужими людьми? Но и возвращаться домой не собиралась. Это означало признать свою несостоятельность, выбросить белый флаг.

Жизнь иногда устраивает экзамены на вшивость

Антон ушел в понедельник утром. Вера взяла отгул, но непонятно, зачем. Ей было велено оставаться дома, не ходить провожать. Выглянув в окно, она неотрывно смотрела, как Антон идет с сумкой через плечо, такой родной, и такой уже далекий. Ей хотелось выбежать, вцепиться в рукава и больше не отпускать. Но умом понимала, что это ничего не изменит, только лишь причинит обоим лишнюю боль.

Когда Антон уже исчез из поля зрения, она присела на диван. Слезы сами собой полились потоком. И остановить их было невозможно. Вера прилегла на подушку, закрыла глаза и провалилась в глубокий тяжелый сон.

Проснувшись в два часа ночи. За окном темно. За дверью тихо. В комнате пусто. На душе зябко. Вера пошла на кухню, поставила чайник.

Вернувшись в комнату, она наткнулась на Антошины тапки, стоявшие за дверью. Слезы опять выступили на глазах. Но плакать сил уже не было. Сглотнув тяжелый комок, стоявший в горле, она села пить чай с сухариками, которые еще вчера Антон купил в магазине.

Спать уже не хотелось. Что-то невыносимое застряло внутри и требовало выхода. Рука потянулась к листу бумаги и карандашу. Еще в институте, до знакомства с Антоном, Вера иногда писала стихи. От безысходности. Когда некому выговориться. Когда не хотелось на других наваливать свои проблемы. Мама все Верины переживания воспринимала слишком болезненно, бежала советоваться к бабушке, читала нравоучения. А хотелось просто сочувствия. Бывает, возможность помолчать бок о бок с родной душой излечивает любые недуги. Подруг у Веры было всего две, но и те постоянно подначивали или что-то хитрили за спиной. А все потому, что брат одной подруги был предметом обожания другой и неравнодушен к Вере. А Вера его воспринимала не более как соседа по горшку с детского сада. И с ним было легко и весело, ему можно было рассказать все, но только не о переживаниях из-за неразделенной любви. И тогда рождались они – эти спутники невыговоренности, грусти, отчаяния. Они писались сами собой, как будто кто-то нашептывал строки. Оставалось только настроиться на нужную волну космоса и успевать записывать. Но зато потом приходило непередаваемое чувство отрешенности ото всех проблем, какого-то единения со всем и всеми. Ощущение полной гармонии. Вера не ставила целью оформлять свои творения во что-то наподобие книги. Каждый крик души был в виде попавшегося в момент спустившегося вдохновения листочка бумаги. Выкидывать эти листочки Вера не решалась, она их складывала в пакетик, который прятала под матрац.

И сейчас, в ночной тишине, Вера сочинила очередной свой стих.

Растворятся былые мечтания,
Уплывут в дальний край корабли,
Унося за собою страдания,
Не дано им осесть на мели...
Смоют ливни все сны одноцветные,
Отгрохочет гроза давних ссор,

Все желанья, доселе заветные,
Станут лучиком в сумраке штор...
Что-то важное станет неведомым,
Ты на миг растворишься во мгле,
И пойдешь по своей, неизведанной,
Незатоптанной, но – колее...

***Сдавшие экзамен на вишивость
переводятся на следующий уровень,
несдавшие ожидают следующего шанса***

Стих написался за считанные минуты. Сразу стало легче. Навалилась ужасная усталость. Вера завела будильник на шесть и легла, хотя спать оставалось всего два часа.

Один год – 365 дней – 8760 часов

Утром глаза настолько опухли, покраснели, что Вере пришлось обращаться в медпункт. Там ей прописали мазь, закапали капли. Медсестра оказалась очень «доброй» женщиной. В ожидании врача, она рассказала Вере жуткую историю о какой-то знакомой, у которой вот так же однажды заболели глаза, и потом выпали все ресницы. Вера поняла, что со слезами надо заканчивать. Надо идти вперед.

Работа поглотила ее целиком. Вера приходила домой только поесть и поспать. По возможности выходила работать в выходные. Оставаться на выходные в общежитии было невыносимо.

Через месяц пришло первое письмо от Антона. Оказалось, что он успел заболеть воспалением легких, полежал в лазарете, а теперь уже его перевели из учебки на космодром Плесецк. И все самое плохое позади. Просил выслать какие-то тряпочки для воротничков, пасту для чистки бляшки на ремне, чистые конверты, что-то сладкое. Вера на следующий же день отправила посылку и стала готовиться к поездке.

Добираться пришлось с пересадкой, прямого поезда до Плесецка не было. Но это была не проблема. К родителям в Иваново они тоже всегда ездили с пересадкой. Вера собрала такую огромную сумку, что еле могла ее поднять. Наварила курицы, картошки, все это в кастрюлях поставила на дно, испекла любимых Антошиных творожников, купила печенья, упаковала варенье, сгущенку. Плюс примерно десяток пунктов из письма.

Сойдя с поезда, Вера взяла такси. Надо сказать, хоть Вере на тот момент и было уже 23 года, выглядела она как школьница. И таксист просто поверить не мог, что эта девчушка смогла дотаранить такую сумищу на себе. Он помог погрузить все в багажник, и они поехали к КПП. Ее пропустили, т. к. она заранее дала телеграмму о приезде. Антона нигде не было видно, Веру встретил какой-то мужчина и проводил до нужного здания. А там уже выбежал довольный Антон. Он сразу же сказал, что его отпустят, если только она скажет, что уже забронирована гостиница «Заря». А то придется в казарме ночевать. И они пошли на третий этаж, отпрашиваться. Зашли в какой-то кабинет, Антона сразу куда-то увели, а Веру попросили подождать на диванчике. Диван был очень мягкий, удобный, поэтому сразу начали слипаться глаза. Но спать Вера не решалась, изо всех сил боролась со сном. Она думала – а вдруг войдет какой-нибудь начальник, а она тут спит. Неудобно.

Потом Веру пригласили на беседу к командиру. Глаза у него были строгие, но добрые. Видно было, что он симпатизирует этой героической девушке – в такую даль пробралась одна. Ее первым делом спросили – где остановилась? Вера, не моргнув глазом, сообщила – в гостинице «Заря», номер 35 (это она от балды сказала). На нее как-то удивленно посмотрели, но ничего не сказали.

Антону выделили три дня. Они, вне себя от счастья, поехали в гостиницу. Когда Антон узнал, чего она там наврала, рассмеялся.

– Ну ты даешь! Это же номер люкс, на первом этаже, туда только каких-либо приезжих шишек селят. Ну, видимо, поверили, раз отпустили!

В гостинице им выделили номер на третьем этаже. Это было чудо – три дня вдали ото всех. Вместе. После долгой разлуки. И они пролетели как один миг.

Вернувшись домой, Вера окунулась в работу с еще большим рвением. Теперь она жила от письма до письма, от поездки к поездке. Больше ее ничего не интересовало.

Отношения с соседями были непростые. Сосед через стенку по ночам частенько стучался к Вере в дверь. Когда жена уходила на ночную смену. Вера в эти моменты лежала под одеялом и дрожала. Дверь была хлипкая, неизвестно, выйдет ли кто на помощь, если вдруг дверь решит открыться. А при свете дня все было как ни в чем не бывало. Сосед смотрел

телевизор в комнате, жена готовила еду, дети играли. Вера даже предъявить ничего не могла: не пойман – не дятел. А ночью опять открывалась соседская дверь и начинались стуки.

В итоге Вера купила молоток и положила его рядом с кроватью. Спать стало спокойнее. И стуки прекратились. А может быть, просто Вера перестала их слышать из-за крепкого сна. Ведь всегда с нами случается то, чего мы боимся, даже подсознательно. А Вера перестала бояться, и проблема исчезла сама собой. Но молоток она убирать не стала. Так было спокойнее.

Однажды, вернувшись с работы, Вере сообщили, что пришла ее очередь убирать секцию. Хотелось только спать, глаза слипались. Но соседка была непоколебима. Она тараторила про то, что неделя прошла, завтра уже другой человек должен следить за порядком. В секции грязно, нечем дышать, плиты немытые, мусорные ведра полные. Вера переоделась и пошла чистить авгиевы конюшни. Она чувствовала, что такое рвение соседка проявляет неспроста, но не понимала, по какой причине. Хотя догадывалась. Света (так ее звали) была женщина хоть и добрая в душе, но одинокая. И это одиночество разъедало ее изнутри. И когда у нее перед глазами появлялась эта счастливая, хоть порою усталая и грустная девушка, возникало желание это счастье как-то прибрать себе.

К тому же Вера со стороны казалась всем мягкой, робкой и слабой. Поэтому к ней как мухи на улице липли цыганки, продавцы орифлеймов и фаберликов, какие-то шустрые молодые люди, предлагающие прочие яркие товары. Вера давно к этому привыкла, в ответ спокойно говорила: «Отстаньте, все равно денег нет, и ничего мне не надо». И уверенно шла дальше. А вот от тех, с кем приходилось жить, так отмахнуться не получалось. Приходилось как-то общаться.

Не бывает дыма без огня, а огня без дров.

Вообще, в Вере каким-то образом сочетались, казалось бы, совершенно несочетаемые качества. Она была очень покладиста и в то же время с необычайным чувством собственного достоинства внутри, граничащим с гордыней. Внешняя мягкость соседствовала с непревзойденным упрямством и решительностью, если была поставлена какая-то цель. Способность хладнокровно и спокойно принимать на себя все удары судьбы не мешала буквально захлебываться в ярости при столкновении с вопиющей несправедливостью по отношению к кому бы то ни было. Окружающие, конечно же, судили о Вере по внешним проявлениям ее характера. Для всех это был милый, добрый, безотказный, кроткий, безответный, спокойный человек. Дунешь – его ветром сдует. Но никто даже не подозревал, какие шторма бушуют порою внутри этого божьего одуванчика, на что способна эта маленькая беззащитная девочка.

Отчищая плиты, Вера размышляла над извечными проблемами. Почему она должна отчищать чужие пролитые борщи, компоты, пригоревшие картошины, отмывать двери после соседских пьяных посиделок, мыть за этими забулдыгами туалеты, выносить мусор. Она все дни проводила на работе, приходила только попить чаю перед сном, поспать и утром опять на работу. Максимум, что могла она тут испачкать – дорогу от входной двери до своей. Видимо, ее недовольство чувствовалось на расстоянии, т. к. жаждущие свежей крови соседки все чаще стали ее задирать. Процесс сдачи дежурства превратился в настоящий фарс. Ее бесконечно тыкали в углы за дверями с комочками пыли, в оставшиеся пятнышки, в закатившиеся в дальние углы соринки. Вначале Вера безропотно это убирала, но внутри скопилось столько негодования, что оно уже требовало выхода. И этот выход ей обеспечили. Повод нашелся.

Однажды, зайдя в ванную, Вера оказалась в темноте. Она оделась, вышла, включила опять. Решила, что детишки балуются. Но все повторилось опять. Выйдя, она наткнулась на Ирку (одинокую соседку с ребенком, которая постоянно приводила к себе каких-то кав-

леров и оставляла их у себя на ночь – это в комнате рядом с ребенком пяти лет). Сказать, что Вера и Ирка недолюбливали друг друга – это ничего не сказать. Холодная война шла уже давно. Полунамеками, жестами, взглядами они уже давно обозначили отношение друг к другу. Но внешне все было чинно и добропорядочно. А вот пришла пора расставить точки над *i*.

– Тем, кто на лампочки не сдал, свет не положен.

Вера думала, в такие подлянки играют только в детском саду или школе. Поэтому, надеясь, что это просто шутка, ответила:

– А на туалетную бумагу случайно не собирали? Хорош воду мутить.

И сама включила свет. Зашла в ванную. Когда Вера уже намылилась, свет опять погас. Стало понятно, что с ней не шутят. Кое-как вымывшись в темноте, нащупав полотенце, переколотив разные баночки (как бы и за них платить не пришлось, подумала Вера между делом), она вышла. Ирка стояла с невозмутимым лицом и жаждала крови. Вера хотела уже возмутиться, но соседка опередила:

– Пошли на кухню, у нас там женсовет.

Вере не очень-то хотелось участвовать в этом женсовете. Она устала, хотелось посидеть в тишине в мягком кресле, попить чаю, перечитать по десятому разу все письма Антона (это стало ее любимым занятием в последнее время). Кстати, все письма она аккуратно пронумеровывала, проставляла даты, складывала в коробочку. Иногда на конвертах делала пометки, например: «Со стихом», «Список для посылки».

Одно у Веры было любимым. Она его перечитывала по несколько раз за вечер, потом ложилась спать. На письме стояла пометка «филос» (философское):

«Здравствуй, моя любимая Веруня!

Я снова в наряде по КПП. Сейчас сидел и думал, кому бы написать письмо. Тебе только позавчера написал, да и перед этим написанное письмо все еще не ушло. Но кроме тебя что-то никому писать не хочется. И я решил написать еще одно письмо, так что получишь сразу 3.

От Сереги Павлова писем нет уже больше месяца, последнее я получил от него еще до твоего приезда.

Сейчас прочитал одну книгу, и она настроила меня на философский лад. Я заметил, что на меня прочитанное, если оно мне понравилось, всегда оказывает сильное воздействие. И я потом долго нахожусь под впечатлением. Здесь редко удастся почитать, а уж тем более хорошую книгу. Поэтому я ценю такие моменты и дорожу ими.

Я уже в который раз подумал, что хотел бы писать книги, но меня останавливают два момента. Первое – это отсутствие в голове более– менее приличного сюжета. А второе – недостаток литературного образования. Во мне живет воспоминание о том, как Юля, жена Сереги, раскритиковала (с литературной точки зрения) мой единственный рассказ.

Возможно, что моя проблема еще и в том, что я не нахожу подходящей темы для рассказа. Писать любовные романы не в моем стиле, хотя я уверен, что у меня бы получилось. Тем более, в них сюжет, как правило, примитивен и, можно сказать, один и тот же.

Даже очень может быть, что когда я вернусь, при наличии свободного времени и желания я напишу что-нибудь об армии, но только с юмористической точки зрения.

Вообще, сейчас, когда служить осталось уже меньше двух месяцев, я стал способен воспринимать все происходящее с юмором, потому что чувствую теперь некоторую отстраненность от всех здешних проблем.

Я наконец-то стал ощущать приближение скорого дембеля. Парни моего призыва проявляют явную зависть и относятся ко мне с некоторой агрессией (я же служу всего год

из-за высшего образования, а большинство здесь в ВУЗах не учились). Дембеля же причислили меня к своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.